В. И. ПАНОВ, Э. В. ПАТРАКОВ, Л. И. БАТУРИНА, К. КОМАН, Р. Ф. ФРОГЕРИ

Социальные представления студентов о рисках во взаимодействии с Интернетом: кросс-культурный аспект (Россия, Бразилия, Румыния)

Проблема и цель. Наряду с очевидными преимуществами, цифровизация общества несет и свои риски. При этом, в современной психологии недостаточно сведений о различиях в представлениях о таких рисках в различных культурах.

Цель статьи – эмпирическая верификация предположения о зависимости представлений о рисках от социокультурного контекста.

Методология. Эмпирическая часть исследования проводилась на выборке в трех странах в процессе академических и научных визитов (Россия: $n=112$, Румыния: $n=94$, Бразилия: $n=98$) с использованием анализа социальных представлений (коэффициент Абрика). При переводе использовался метод фокус-групп и методика перевода психодиагностического инструментария и опросников С.В. Кудря.

Результаты. Полученные данные показали, что представления о рисках зависят от общих представлений о рисках в культуре данной страны, законодательства в области безопасности интернета, а также длительности и успешности опыта взаимодействия в социальных сетях интернета. Так, «ядром» представлений российских и румынских студентов о результатах рискованного поведения в интернете являются непродуктивное поведение в информационной среде (ТСР-92); демонстрация безразличия (ТСР-78) или вспыльчивости, агрессивности (ТСР-75), а для бразильской выборки более характерна демонстрация психологического неблагополучия (ТСР-65). Кроме того, лексико-семантический анализ терминов и понятий в области рискологии, используемых для эмпирического опроса студентов, показал наличие семантических кросс-культурных различий в их понимании.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование позволяет говорить о том, что социальные представления о рисках подвержены влиянию социокультурных и законодательных особенностей: эмпирическая часть исследования показала четкое отличие «ядра» и «периферии» как в кросс-культурном измерении, так и внутри выборок по странам. Лексико-семантический анализ рискованных поведенческих паттернов и представлений о рисках показал культурные (языковые) различия в этой области и необходимость не только в адаптации и верификации диагностического инструментария, но и уточнения значения различных факторов риска в вербальном плане.

Ключевые слова: социальные представления, риски, взаимодействия, интернет, студенты, лексико-семантический анализ

Ссылка для цитирования:

Панов В. И., Патраков Э. В., Батурина Л. И., Коман К., Фрогери Р. Ф. Социальные представления студентов о рисках во взаимодействии с Интернетом: кросс-культурный аспект (Россия, Бразилия, Румыния) // Перспективы науки и образования. 2021. № 3 (51). С. 10-25. doi: 10.32744/pse.2021.3.1

V. I. PANOV, E. V. PATRAKOV, L. I. BATURINA, C. COMAN, R. F. FROGERI

Students' social representations of risks in interacting with the Internet: cross-cultural aspect (Russia, Brazil, Romania)

Problem and purpose. Along with the obvious benefits, the digitalization of society carries its own risks. At the same time, in modern psychology there is not enough information about the differences in representations of such risks in different cultures.

The purpose of the article is to empirically verify the assumption about the dependence of risk perceptions on the socio-cultural context.

Methodology. The empirical part of the study was carried out through questionnaires, collected in different universities in three countries during academic and scientific visits (Russia: $n = 112$, Romania: $n = 94$, Brazil: $n = 98$) and drafting the evaluation reports of social risks perceptions (Abric coefficient). During the translation of the questionnaires, we used the focus group method and the method of translation of psychodiagnostic tools and questionnaires (S.V. Kudrya).

Results. The data obtained showed that perceptions of risks depend on general perceptions of risks in the culture of a given country, legislation in the field of Internet security, as well as the duration and experience of interaction in social networks of the Internet. Thus, the "core" of the social representation of Russian and Romanian students about the results of risky behavior on the Internet are unproductive behavior in the information environment (TCP-92); demonstration of indifference (TCP-78) or aggressiveness (TCP-75), and for the Brazilian sample, the demonstration of psychological affliction is more typical (TCP-65).

In addition, the lexical-semantic analysis of terms and concepts in the field of riskology used for empirical survey of students showed the presence of semantic cross-cultural differences in their understanding.

Discussion and conclusion. The data obtained allow us to say that social perceptions of risks are influenced by socio-cultural and legislative peculiarities: the empirical part of the study showed a clear difference between the "core" and "periphery" both in the cross-cultural dimension and within the country samples. The lexico-semantic analysis of risk-generating behavioral patterns and ideas about risks showed cultural (linguistic) differences in this area and the need not only for adaptation and verification of diagnostic tools, but also for clarifying the meaning of various risk factors in the verbal plan.

Keywords: social representations, risks, interactions, Internet, lexical and semantic analysis

For Reference:

Panov, V. I., Patrakov, E. V., Baturina, L. I., Coman, C., & Frogeri, R. F. (2021). Students' social representations of risks in interacting with the Internet: cross-cultural aspect (Russia, Brazil, Romania). *Perspektivy nauki i obrazovania – Perspectives of Science and Education*, 51 (3), 10-25. doi: 10.32744/pse.2021.3.1

Введение

Цифровизация всех видов жизнедеятельности вызвала к жизни целый ряд новых тем исследований, посвященных различным феноменам взаимодействия в интернете и возникающим при этом рискам: риски киберсоциализации [1]; интернет-зависимости [2], агрессивности [3], кибер-буллингу [4].

Отдельно имеются исследования о патологизирующем влиянии использования гаджетов [5; 6; 7], антропоморфизации технических устройств и компьютерных программ, т.е. наделении их «человеческими» свойствами [8]. В нескольких работах мы ранее поднимали вопрос о сближении цифровой информационной среды и субъекта, выявив базовые условия трансформации субъекта в процессе коммуникативного взаимодействия с цифровой информационной средой [9; 10]. При этом, вся совокупность работ о многочисленных рисках интернета имеет определенный дефицит кросс-культурных исследований. Так, согласно данным базы Scopus на 20 марта 2021 года, из 16 000 статей, посвященных Интернету в области психологии за последние 5 лет, лишь немногим более 3 % раскрывают кросс-культурный контекст. Такие исследования посвящены вопросам обучения, коммуникации, совместной деятельности в целом [напр., 11]. Но мы не встречали исследований, где был бы представлен кросс-культурный контекст рисков Интернета. Тем не менее, исходя из общих кросскультурных представлений, правомерно в качестве **гипотезы** предположить, что представления о рисках взаимодействия с интернетом у молодых представителей разной социокультурной среды, будут иметь:

- с одной стороны, некоторые общие черты, обусловленные глобальным характером интернета,
- с другой стороны, указанные представления о рисках должны отличаться друг от друга вследствие культурных, лексико-семантических и законодательных особенностей разных стран.

Исходя из вышеизложенного, нами были поставлена цель и две взаимосвязанные задачи.

Цель заключалась в эмпирической верификации предположения о зависимости представлений о рисках от социокультурного контекста.

Задачи:

- провести эмпирическое исследование социальных представлений о рисках взаимодействия с интернетом у российских, бразильских и румынских студентов;
- для этого привести в лексико-семантическое соответствие термины используемой опросной методики при ее переводе на английский и бразильский вариант португальского языка (учитывая, что в Румынии исследование проводилось на студентах, обучающихся на англоязычных учебных программах).

Теоретические предпосылки

В теоретическом плане данное исследование продолжает проведенные нами ранее, заключающееся в сравнении представлений старшеклассников, родителей и педагогов об искомых рисках [12; 13; 14]. В качестве рабочего нами используется определение риска, представленное в исследованиях Т. В. Корниловой с соавторами [15]

– как деятельность (решение), направленная на четко определенную цель, достижение которой связано с опасностью, угрозой поражения, неудачи. Соответственно, не рискованное действие (решение) более спокойное, не связанное с угрозой неудачи, поражения, которое кажется более надежным и безопасным. Исследования рисков часто сопровождают изучение состояния и перспектив современной цивилизации. Как отмечал У. Бек, основатель социологии риска, мы являемся свидетелями метаморфозы общества, в котором люди освобождаются от социальных форм индустриального общества – от деления на классы и социальные группы, от традиционных семейных отношений [16]. Также О. Саритас [17], рассматривая технологии совершенствования человека, отмечает, что одним из очевидных рисков информационного общества является “погружение” людей в виртуальную реальность и расщепление на несколько личностей.

Разработка опросной методики проводилась нами на основе теории социальных представлений [18] в том ее варианте, который обозначается как структурный подход Ж.-К. Абрика [19], активно используемый в социальной психологии [20; 21]. В методическом плане преимущество данного подхода методики заключается в том, что она позволяет эмпирически выделить «ядро» и «периферию», т.е. расположения групповых представлений в континууме их единообразия и гетерогенности. Из этого следует эмпирическая гипотеза, что в кросс-культурные различия в представлениях о рисках взаимодействий с интернетом должны выражаться в различных соотношениях указанных «ядра» и «периферии».

Материалы и методы

Разработка методики состояла из пяти этапов.

Первый этап ставил целью первичный сбор представлений участников образовательного процесса о рисках трансформации поведения молодежи в процессе коммуникативного взаимодействия с Интернет-средой. Этот этап проводился в 2017-2018 гг. в России на конференциях педагогов, психологов, в ходе обсуждений в школах со старшеклассниками и родителями, а также, студентами младших курсов. Задание респондентам звучало так: «Пожалуйста, напишите до 10 потенциально рискованных характеристик современных молодых людей (наблюдаемых у себя или других поведенческие или личностные особенности, особенности взаимодействия с интернет-средой, которые могут быть прямо или косвенно связаны с использованием Интернета в жизнедеятельности и в обучении». На этом этапе было опрошено свыше 300 респондентов, собрано свыше 130 разрозненных показателей рискованного взаимодействия в интернете и рискованных поведенческих характеристик.

Второй этап заключался в объединении фраз/слов, состоящих в парадигматических отношениях. Под парадигматическими отношениями в языке понимаются системы форм одного и того же слова, а также система значений слов, форм конструкций, объединённых в один тип. Более полное описание методики на русском языке [12; 13].

На третьем этапе опросник был переведен на английский, в процессе семинаров в Румынии, Венгрии, Бразилии. Не все фразы, выделенные российскими респондентами, перевода возник ряд уточнений, проводились консультации со специалистами в фокус-группах. Обсуждения проходили в рамках грантов Erasmus+ в Румынии, были приняты как аналогичные, либо были предложены дополнения и уточнения в

трактовок и формулировках вопросов. Каждая фраза была предложена на английском языке с обсуждением коннотаций. Респондентам (педагогом, психологам, социологам, вузовским и школьным преподавателям) предлагалось соотнести перевод с возможными коннотациями и оценить их релевантность основной идее вопроса на родном языке; также предлагалось обсуждение вопросов на предмет соответствия профессиональным этическим и базовым этнокультурным ценностям. При переводе и обсуждении португальской версии в качестве промежуточного языка использовался английский, но был также прямой перевод с русского на бразильский вариант португальского языка и обратно. В целом, изначально казавшийся весьма простым, процесс перевода, включая дискуссии и тестирования занял примерно год и показал зависимость восприятия рисков не только от этнокультурного и социокультурного факторов, но и свойств самой информационной среды, особенностей субъект-средового взаимодействия, принятого в данной культуре. К числу таких особенностей были отнесены: степень эффективности взаимодействия, т.е. «взаимопонимания», антропоморфности среды, т.е. интуитивная понятность, гарантированная безопасность.

На четвертом этапе было проведено исследование уже по обновленной анкете. Совокупность выбранных показателей риска была сгруппирована следующим образом: поведение в Интернете, медико-психологические показатели, социальное поведение с близкими, поведение в общественных местах, успеваемость, уровень материального благополучия. Внешние факторы: уровень строгости законодательства в обеспечении безопасности интернета, социокультурные особенности. В качестве фактора коммуникативного взаимодействия выступала оценка комфортности и «понимания», антропоморфности информационной среды. Исследование было проведено на выборках российских, румынских и студентов как в очной форме, так и дистанционно. При дистанционном опросе процент брака был очень высок (свыше 70 % – незавершенные ответы, высокое количество случайных и однотипных ответов), поэтому исследование проводилось примерно один год – пока не удалось сформировать три гомогенные группы из трех стран. Сбор данных в румынской выборке проводился очно. Фрагмент опросника в табл. 1.

Таблица 1

Фрагмент опросника

Инструкция. В таблице представлены особенности поведения и характеристики человека, связанные с риском во взаимодействии с Интернетом. Пожалуйста, отметьте, как часто такие ситуации случаются у вас, именно связанные с взаимодействием в интернете, где 1 – никогда, 2 – раз-два в месяц, 3 – несколько раз в месяц, 4 – раз-два в неделю, 5 – практически ежедневно

Ситуация, поведение		Как часто такая ситуация встречается у вас?				
1	Считает друзьями «френдов», которых не знает лично	1	2	3	4	5

На пятом этапе был проведен анализ социальных представлений (коэффициент Абрика) и выбраны "ядра" наиболее рискогенных характеристик, которые наиболее часто упоминались в процессе ранжирования. Таким образом, основные группы факторов были сформированы как наиболее диагностически значимые с точки зрения оценки интернет-риска с учетом кросс-культурного фактора.

Лексико-семантические особенности перевода. Надежность результатов исследования, где есть сопоставление нескольких лингвокультур напрямую зависит от качества перевода анкет, где под переводом понимается не только его лексическое наполнение, но и лингвокультурные особенности потенциального респондента, формирующие его лингвокультурную личность, которая проявляется при помощи языка через культуру и отражает его сущность, причем, как в историческом, так и в ситуативном контексте [22; 23]. Довольно давно выработалась методология перевода анкет, которой следовали авторы настоящей работы: переводы с языка на язык и обратно, привлечение специалистов-экспертов и обсуждение культурной составляющей. Стояла задача приоритета эквивалентности на уровне описываемой ситуации, но по возможности с максимальным сохранением эквивалентности на уровне лексическом. Хотя написано довольно много работ по кросс-культурным взаимодействиям, специалисты массовых опросов указывают на отсутствие опросных инструментов для международных анкет. Исследователи каждый раз решают эти проблемы заново [24; 25].

Во всех языках были задействованы носители языка и культуры. Участникам процесса перевода (педагогам, психологам, социологам, преподавателям высшей и средней школы) предлагалось обсуждение вопросов на предмет соответствия базовым этнокультурным ценностям. Для этого они оценивали лингвистическую и культурную эквивалентность перевода и «психометрическую эквивалентность» анкет, т.е. способность переводной и оригинальной анкет собирать сопоставимые данные в разных культурах. В процессе перевода возник ряд уточнений: не все фразы на русском языке были одобрены экспертами, были предложены дополнения и уточнения в трактовках и формулировках вопросов.

Лингвисты оценивали, насколько каждый вопрос соответствует оригиналу на уровне слов, фраз, предложений, а специалисты психологи и педагоги оценивали, вызывает ли вопрос такую ответную реакцию у респондентов принимающей лингвокультуры, которая была бы схожа с реакцией респондента исходной языковой культуры. Основанием такого подхода служила методика С.В. Кудря [26].

Ниже мы рассмотрим некоторые из вопросов, которые вызвали дискуссию и были изменены. Так, при обсуждении вопроса на русском языке *«Проводит за компьютером более двух часов в день вне занятий (общается в соц. сетях, играет в компьютерные игры)»*, англоязычные эксперты доказывали, что 2 часа, проведенные за компьютером вне учебы или занятий – это совсем немного времени, который проводит молодой человек с гаджетами и это не вписывается в категорию рискованного использования Интернета, т.е., три часа за экраном ежедневно – это минимальная норма. Таким образом, в российской версии было декларировано 2 часа как максимально допустимая зона риска, тогда как для английской и португальской версии коллеги обозначили как 3 часа:

Англ.: «Spends more than **three** hours a day using computer for computer games and social networks»;

Португальский (Бр.): «Fica mais de *tres* horas por dia usando computador (jogos no computador e redes sociais)».

Исследование проводилось до распространения коронавирусной инфекции, сейчас те же эксперты предлагают говорить о 5-6 часах деятельности с применением гаджетов во внеучебное время.

То же самое касалось и вопроса о времени использования наушников – в российской выборке они используются 2 часа, в англоязычной и португальской – 3. Таким об-

разом, вопрос звучит так: «Listens to music on headphones 3 and more hours a day, even while doing school homework or other activities».

Аналогично возникали сложности по формулировке вопроса об интернете в ущерб школе. Высказывание эксперта: «*here school homework and studies nearly all involve using the internet, so worth distinguishing from that. Do you mean online activities (such as games, videos, social media)?*». Поэтому пришлось пояснить, что имеется в виду активность внеурочная, и даже подчеркнуть «в ущерб»:

Русс.: Проводит время в интернете в ущерб учебе и домашним делам.

Англ.: His/her online activities (such as games, videos, social media) are a distraction from studies and homework.

Португальский (Бр.): Passa tempo na internet em detrimento de estudos e tarefas de casa.

Вопрос о том, что делает подросток или молодой человек в сети, для англоговорящих респондентов был переформулирован шире, как вопрос о личном пространстве. Вопрос эксперта: «*Do you mean he hides his or her social media accounts from you?*». В то время, как русско и португалоговорящие эксперты не заострили на этом внимание.

Вопрос о концентрации и отвлеченности можно отнести в эту же группу. Потребовалось два дополнительных уточняющих слова, чтобы перевести вопрос на английский язык:

Русс.: Испытывает недостаток концентрации внимания

Англ.: Lacks concentration and is easily distracted

Португальский (Бр.): Ele / ela tem dificuldades para concentrar sua atenção

Вопрос о друзьях онлайн оказался интересным с лингво-оценочной точки зрения. Так, слово «френд» (транслитерация с английского) вошло в русский язык как «друг в сети», не знакомый лично. Английский и португальский перевод потребовал следующего разъяснения:

Русс.: Считает друзьями «френдов», которых не знает лично

Англ.: Considers online “friends” he has never met in real life to be “close friends”

Португальский (Бр.): Ele considera seus “amigos” em redes sociais, que ele nunca conheceu na vida real, como amigos íntimos

Вопрос о возвращении домой слишком поздно коснулся соотношения возраста и социальных норм и также потребовал дополнительных пояснений для англоговорящих респондентов. «*what age are we talking about? I’ve been thinking this addressed younger teens like my son of 13. In Europe children under 12 cannot even leave school or walk alone, unless specially permitted by parents. In America he wouldn’t be going out late at night for another few years...*» Таким образом, такой вопрос преимущественно относится к подросткам, но не к относительно самостоятельным и совершеннолетним студентам, вопрос был удален из финальной версии анкеты.

Наибольшая разница в постановке вопросов наблюдалась в дискуссиях о возрасте, социальных нормах и сексуальности. Этой теме посвящены три вопроса анкеты. Поскольку социальные нормы в отношении к сексуальности в русскоговорящем поле более строго определены, то вопросы об адекватности или неадекватности сексуального поведения не вызывали сомнений. Носители других языков и культур отстаивали необходимость убрать определение «неподобающим». Однако после долгих дискуссий было решено оставить вопрос, как есть, чтобы иметь широкую трактовку поведения именно с позиции стороннего наблюдателя:

Русс.: Ведёт себя сексуально неподобающим образом

Англ.: Shows inappropriate sexual behavior

Португальский (Бр.): Mostra comportamento sexual inadequado

Поскольку селфи и огромное количество фотографий в социальных сетях сегодня – вполне приемлемая норма, а многие подростки стремятся казаться взрослее, чем они есть, то вопрос о сексуальных селфи потребовал разъяснения словом «кокетливые» и «интимные». Это же относится и к молодежи, где самовыражение в гедонистических целях или перманентный поиск удовольствий является в ряде случаев самоценностью.

Русс.: Делает сексуальные кокетливые селфи.

Англ.: Takes sexy flirty selfies

Португальский (Бр.): Faz fotos sensuais de “coqueterie” de si mesma.

Русс.: Обменивается интимными фотографиями из своей частной жизни в социальных сетях.

Англ.: Shares intimate photos of his/her private life on social media and deep web.

Португальский (Бр.): Compartilha fotos íntimas de sua vida privada em redes sociais

Специальное замечание высказали эксперты из Бразилии к вопросу про красные глаза, являющимися в культуре этой страны символом и симптомом наркозависимости. Поскольку это довольно серьезная проблема в стране, то вопрос воспринимается в привязанности к наркотикам, но не усталости, невыспанности, долгого времяпрепровождения перед экраном и т.д. Поэтому «красные глаза» были заменены на «покраснение» в португальском и на «покраснение глазных яблок» в английском:

Русс.: Вы замечаете покраснение глазных яблок

Англ.: You notice the redness of his eyeballs

Португальский (Бр.): Você percebe a vermelhidão dos olhos dele

Клишированность словосочетания «плохая компания» в русскоязычном контексте не требует расшифровки, в то время как в других языках такое словосочетание вызвало вопросы. Вопрос эксперта: «*What is meant by ‘bad’?*» Было предложено дать характеристику «bad», в результате список оказался крайне субъективным и почти бесконечным. В результате осталось только слово «bad», дав решить каждому отдельному респонденту, что есть «плохо» для его окружения.

Русс.: Общается с плохой компанией

Англ.: Hangs out with bad people

Португальский (Бр.): Anda com pessoas más

Вопрос о рассказах о школьной жизни, применимый лишь для подростков (в анкете для студентов он не вошел) вызвал обсуждение о «способности» или «желании». Вопрос эксперта: «*unable or unwilling?*». Поскольку вопросы о замкнутости уже были заданы, то в этом вопросе был оставлен акцент на «способности».

Русс.: Не способен рассказать о том, как протекает жизнь в школе

Англ.: He/She is unable to tell about his/her school life

Португальский (Бр.): Ele / ela tem dificuldades em contar sobre a vida escolar

Английский глагол *to beg* подразумевает не только обращение к родителям, но и к незнакомым людям, поэтому потребовалось местоимение “you” в вопросе о запросе денег без объяснения расходов. Но этот вопрос также использовался лишь для подростков.

Русс.: Выспрашивает деньги без объяснения расходов

Англ.: Begs you for money without explaining the purpose

Португальский (Бр.): Pede dinheiro sem explicar o propósito

В целом, при переводе мы исходили из того, что анкета как жанр, требует исключительно частотных употреблений, ведь только простые, клишированные слова и вы-

ражения могут обеспечивать естественный ход мыслей респондента для ответа, не задумываясь [27]. Буквализмы были недопустимы в анкете, поскольку нарушается естественность языка и ситуации.

Так в вопросе о нечистоплотности и неопрятности прилагательное *«unscrupulous»* в переводе на английский звучало очень сухо и высокопарно. Носители языка заменили его на разговорное *«messy»*. Аналогично португальский эксперт заменил слово на *«desarrumadoe»*. Таким образом, в английском и португальском языках акценты перевелись на «неопрятность», опустив идею «нечистоплотности»:

Русс.: Нечистоплотен и неопрятен

Англ.: He/She is messy, isn't clean and neat

Португальский (Бр.): Ele / ela é inescrupuloso e não é limpo e não é puro

Вопрос о материальном состоянии семьи вызвал вопросы у всех экспертов в силу различий экономических ситуаций в исследуемых странах и стандартов уровня жизни, а также, корректности разговора и опросов о материальном благосостоянии. Например, совершенно некорректно спрашивать об этом жителей фавел – беднейших районов Бразилии. Единой системы оценки, которую можно было взять как образец, не нашлось даже в отчетах OECD. Поэтому было решено отталкиваться от самооощущений респондента.

В английском варианте вопрос звучал так (португальская версия идентична в переводе):

Please, make a self-evaluation of the level of material well-being (income) in your family (please tick). Ответы: 1. We have financial hardship buying all the basic food our family needs. 2. We can afford to buy food, but not much else. 3. Our family income easily covers all our main needs. 4. Our family income covers our main needs, and more. 5. We live in prosperity.

Процесс перевода показал зависимость восприятия рисков не только от этнокультурного и социокультурного факторов, но и свойств самой информационной среды, особенностей взаимодействия. К числу таких особенностей были отнесены: степень эффективности взаимодействия, т.е. «взаимопонимания», антропоморфности среды, ее интуитивной понятности, гарантированной безопасности. И конечно, лексические и синтаксические особенности языков. Таким образом, переводы анкеты не являются точными и обусловлены культурно-языковыми особенностями.

Описание выборки

Исследование проводилось на базе трех университетов: Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия), Университет Трансильвании, Брашов (Румыния) и Университетский центр UNIS, Варжинья (Бразилия), респонденты – студенты бакалавриата различаются по социально-демографическим характеристикам, относятся к социальным и экономическим специальностям (студенты техномических и сигномических специальностей не включались с тем, чтобы исключить возможность профессионального отношения к поведению в Интернете, например, для программистов). Все три выбранные города являются экономически и социально развитыми.

Поскольку одна из гипотез предполагала, что социокультурные и правовые факторы имеют существенное значение для представления о рисках взаимодействия с информационной цифровой средой, то выборки именно из указанных трех стран осуществлялось на следующих основаниях.

Россия и Румыния, несмотря на некоторую этнокультурную разницу, все же очень схожи в социально-экономическом плане и социальном устройстве, а также в плане законодательства о безопасности Интернета, оно является умеренно строгим, ограничивает распространение нежелательного контента, предполагает достаточно высокую ответственность за нарушение частной жизни. Таким образом, мы предполагали, что различия в представлениях студентов будут минимальны.

Бразилия имеет существенные отличия в культурном, историческом и социально-экономическом аспектах, кроме того, существуют различия в использовании технологических ресурсов между Юго-Востоком, Югом, Севером и Северо-Востоком, а также Центральным Западом этой Латиноамериканской страны, связанные с экономикой, культурой, инвестиционной политикой. В плане законодательства в области безопасности Интернета, бразильское законодательство намного более либерально, бразильские педагогические сообщества преимущественно фокусируются на разработке этики ответственности в Интернете, большое количество пользователей *deep web*. Женщины являются более уязвимой группой, чем мужчины, в использовании Интернета [28].

Выборка ($n=304$, Россия: $n=112$, Румыния: $n=94$, Бразилия: $n=98$) включала респондентов с разным уровнем дохода, образования, с разным возрастом – с целью максимального нивелирования социокультурного, гендерного и возрастного факторов. Также, кроме сбора анкет, со студентами проводились обсуждения в виде оперативных фокус-групп. С румынскими студентами обсуждение происходило на английском языке, с бразильскими – через переводчика (с английского на португальский и наоборот).

В соответствии с вышеупомянутым структурным подходом к социальным представлениям, для выявления ядра представлений респондентов была применена формула расчета коэффициента позитивных оценок (*Taux categorique positif*) для каждого явления из списка TCP (i) по формуле: $n(4)$ — число ответов «значительная степень – часто», $n(5)$ — число ответов «очень значительная степень – постоянно», N — общее число ответов (коэффициент Ж.-К. Абрика, более подробно о применении этой методики [19, с. 243–244]).

$$TCP(i)=(n(4)+n(5))/N*100$$

Результаты исследования

Результаты вычисления коэффициентов позитивных ответов (TCP) позволило выявить количественную картину тех представлений российских, румынских и бразильских студентов, которые, по их мнению, являются факторами высокого риска влияния Интернета (см. табл. 1).

Как видно из таблицы, «ядром» представлений российских студентов о результатах рискованного поведения в интернете являются поведенческие паттерны: непродуктивное поведение в информационной среде (бесцельное общение в чатах) (TCP-92); демонстрация безразличия (TCP-78) или вспыльчивости, агрессивности (TCP-75).

Для румынских студентов наиболее характерны («ядро») два перечисленных выше показателя, а также дискомфорт в использовании технических средств или программного обеспечения (TCP-77) и в этом случае предпочтительная стратегия – переход на новый продукт (это уже было выяснено в ходе последующего обсуждения в фокус-группах). Критерием выбора нового продукта здесь является удобство и ощущение

безопасности (отсутствие чувства уязвимости). Румынские респонденты сделали больший акцент на этот фактор в связи с большей доступностью различного программного обеспечения для академических, научных и личных целей. В какой-то мере эти исследования подтверждают и проведенные нами ранее исследования [29], но в отношении ВИЧ-инфицированных: большие возможности среды в поддержке пациентов и медицинского персонала ведут к существенному снижению профессионального выгорания, агрессивности, восприятию среды и жизнедеятельности в целом, как более благоприятных.

Таблица 1

Коэффициенты позитивных оценок, характеризующие структуру представлений респондентов о поведенческих паттернах, связанных риском Интернета (значения округлены до целых чисел)

Характеристики	ТСР (Россия)	ТСР (Румыния)	ТСР (Бразилия)
Поведение в Интернет-среде			
Проводит за компьютером более двух часов в день вне деловых занятий, личной и учебной деятельности (игры, бесцельный серфинг, чаты)	92	89	16
Считает друзьями «френдов», которых не знает лично	23	27	8
Испытывает дискомфорт и неудобство в использовании цифрового ресурса (гаджета или программы)	36	77	12
Медико-психологические показатели			
Испытывает недостаток концентрации внимания	10	9	9
Жалуется на частую головную боль	12	10	9
Безразличен к происходящему	78	70	65
Высказывается о бессмысленности жизни	55	40	57
Обвиняет людей или угрожает им	7	5	6
Нечистоплотен и неопрятен	12	13	9
Приходит на учебу сонным, несобравным	3	3	2
Проявляет вспыльчивость, агрессивность	75	77	54
Считает, что некоторые настроены против него/неё	6	8	(Муж) 12
			(Жен) 18
Социальное поведение			
Открыто демонстрируют причастность к различным сообществам и субкультурам (стиль одежды, прически, знаки отличия, значки и т.п.).	8	10	8
Ведёт себя сексуально неподобающим образом	2	2	4
Проявляет скрытность, уединенность, задумчивость	7	8	9

У российских студентов такой фактор риска представлен меньше, и мы связываем это с вынужденной адаптацией к действующему программному обеспечению в условиях его меньшего выбора.

Бразильские студенты показали более низкую рискогенность «ситуации, когда они считает друзьями "френдов", которых не знают лично» (ТСР 8 – это «периферия»). Но к рискогенности, т.е. к «ядру», бразильские респонденты отнесли такие личностные качества как: вспыльчивость, агрессивность, избыточная потребность в уединении, высказывания о бессмысленности жизни и т.д. То есть, черты, в различной мере де-

монстрирующие психологическое неблагополучие (ТСР 65 – для безразличия к происходящему).

Общим для всех респондентов разных стран явилось то, что они не отмечают или отмечают, но незначительно, медико-психологические показатели рискогенности взаимодействий с интернетом. Так бразильские студенты отметили рост потенциальной возможности негативного отношения, осложнений отношений, и это более характерно для девушек (ТСР 18 против 12 у юношей, то есть у юношей оценка буквально на грани «периферии»). Но этот фактор требует дополнительного исследования, в условиях незначительных различий и малой выборки мы можем высказать предположение, что это больше связано с особенностями межличностных отношений, чем с кросс-культурными различиями.

Обсуждение результатов

Полученные данные позволяют говорить об отсутствии принципиальных культурных различий в представлениях о рискогенности взаимодействий с Интернетом между выборками российских и румынских студентов, да и сами эти представления у них достаточно гомогенны. Возможным объяснением являются не слишком большие различия в российской и румынской культурах, а также примерная идентичность законодательства в области безопасности Интернета. К тому же, возможно, что срабатывает инерционный потенциал постсоветского пространства.

Бразильская культура исторически представляет собой симбиоз индейской, африканской и европейской культур, поэтому ее труднее идентифицировать как однородную среду; законодательство в области безопасности Интернета в Бразилии намного более либерально, что и нашло свое отражение в представлениях студентов.

Виртуальный характер взаимодействия с Интернетом, как известно, уменьшает социальную дистанцию и в то же время расширяет диапазон приемлемости общения с виртуальными собеседниками, при этом своеобразным индикатором риска становится ощущение психологического благополучия, что наиболее было характерно для бразильских студентов. У российских респондентов, как мы отмечали ранее [13; 14], тоже была обнаружена подобная тенденция. Здесь мы можем использовать объяснительный потенциал гомеостатической теории рисков Г. Уальда (Wilde), предполагающей, что в ситуации неустойчивости/неопределенности субъект стремится компенсировать ситуацию, в том числе и внутренние ресурсы. Соответственно, в условиях дефицита технологической надежности или социального доверия актуализируются психологические ресурсы, защитные механизмы, но этот механизм еще предстоит исследовать дополнительно.

В совокупности, при сравнении с проведенными нами ранее исследованиями (на выборках подростков, родителей и педагогов), получено подтверждение того, что представления разных возрастных групп резко отличаются друг от друга.

Выводы

Эмпирическая часть исследования показала четкое отличие «ядра» и «периферии» как в кросс-культурном измерении, там и внутри выборок по странам. В качестве наиболее рискогенных факторов во всех выборках (из России, Румынии и

Бразилии) выделились дезадаптивные реакции. Причем российские и румынские респонденты выделили непродуктивное проведение времени в Интернете, румынские студенты отдельно указали на дискомфорт при использовании «неудобных» средств. Таким образом:

1. В целом проведенное исследование подтвердило высказанные гипотезы о некой общности и в то же время кросс-культурном различии в социальных представлениях о рискогенности взаимодействий с Интернетом у российской, румынской и бразильской выборках студентов. Общими особенностями указанных представлений оказались: достаточно высокий уровень доверия к незнакомым акторам коммуникативного взаимодействия, лояльность к демонстрации сексуальности и причастности к различным сообществам, представление об отсутствии или незначительной взаимосвязи между изменением своего «внецифрового» социального поведения и поведения в Сети, что гипотетически может свидетельствовать о недооценке рискогенности во взаимодействиях с Интернетом. Посещение рискогенных групп в Интернете, относительно доверительное общение с незнакомцами не воспринимаются молодежью как рискогенное, поскольку акцент восприятия рисков преимущественно смещен на ощущение субъективного благополучия респондентами этого возраста.
2. Лексико-семантический анализ рискогенных поведенческих паттернов и представлений о рисках показал культурные (языковые) различия в этой области и необходимость не только в адаптации и верификации диагностического инструментария, но и уточнения значения различных факторов риска в вербальном плане.
3. Исследование также позволяет высказать предположение о замещении представлений о рисках, а именно: технологическая надежность и правовая защищенность от рисков Интернета снижают роль социально-средового фактора и личностных ресурсов. При ослаблении технологической надежности и правовой защищенности вектор управления рисками переходит к социально-средовому окружению, актуализации доверия к таким ресурсам. Но если и социально-средовой фактор обнаруживает свою дефицитарность, фокус управления рисками смещается к личности, актуализируя психологические ресурсы.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-14067

Благодарности

Авторы благодарят за особое содействие в сборе информации:

Стефано Барра Газзола, президента образовательной группы UNIS, Бразилия; Фабрицио Пеллозо Пиорский, профессора университетского центра UNIS, Бразилия; Эми Лабаррьер, консультанта по международным коммуникациям, Франция; Анну-Марию Болборичи, координатора ERASMUS факультета социологии и коммуникаций Трансильванского университета Брашова, Румыния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айсина Р.М., Нестерова А.А. Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски // Социальная психология и общество. 2019. Том 10. № 4. С. 42–57. DOI: 10.17759/sps.2019100404
2. Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития/ сост. и ред. А. Е. Войскунский М.: Акрополь, 2009. 279 с.
3. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.
4. Niklova M., Novocky M. & Dulovics M. (2019) Risk aspects of online activities in victims of cyberbullying//European Journal of Mental Health № 14, p. 156–167. DOI: 10.5708/EJMH.14.2019.1.8
5. Joiner, R., Gavin, J., Brosnan, M., Cromby, J., Gregory, H., Guiller, J., Maras, P. and Moon, A. (2012) Gender, internet experience, internet identification and internet anxiety: a ten year follow-up. Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking, 15 (7). pp. 370–372. DOI: 10.1089/cyber.2012.0033
6. Mesko, B., Drobni, Z., Benyei, E., Gergely, B., & Gyorffy, Z. (2017). Digital health is a cultural transformation of traditional healthcare. MHealth, 3(38), 1–8. DOI: 10.21037/mhealth.2017.08.07
7. Дейнека О. С., Духанина Л. Н., Максименко А. А. Кибербуллинг и виктимизация: обзор зарубежных публикаций // Перспективы науки и образования. 2020. № 5 (47). С. 273–292. DOI: 10.32744/pse.2020.5.19
8. Лидская Э.В., Мдивани М.О. Субъект-средовые взаимодействия с ТВ и Интернетом в контексте традиционных и современных гендерных представлений // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22. № 4. С. 110–119. DOI: 10.17759/pse.2017220415
9. Panov V.I., From Environmental Psychology to Subject-Environment Interactions. Proceedings of the 2017 2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities". (ICCESH 2017). Part of the series ASSEHR. Moscow, Russia. V.124. P.1135–1139. DOI: 10.2991/iccesh-17.2017.265.
10. Патраков Э.В., Панов В.И. О возможности применения понятия «интерференция» для описания области слияния цифровой и доцифровой сред // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. СоциокINETика. 2020. Т. 26, № 3. С. 5–14. DOI: 10.34216/2073-1426-2020-26-3-5-14
11. Cheng, C.; Lau, Y.; Chan, L.; Luk, J.W. Prevalence of social media addiction across 32 nations: Meta-analysis with subgroup analysis of classification schemes and cultural values. Addict. Behav. 2021, 117, 106845. DOI: 10.1016/j.addbeh.2021.106845
12. Патраков, Э. В. (2019). Подростки и Интернет: реакции родителей // Сибирский психологический журнал, (72), 129–144. DOI: 10.17223/17267080/72/7.
13. Панов В.И., Патраков Э.В. Представления педагогов и подростков о рисках во взаимодействиях в интернет-среде // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 3. С. 16–29. DOI: 10.17759/pse.2020250302
14. Панов В.И., Патраков Э.В. Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия. Москва: ФГБНУ «Психологический институт РАО»; Курск: Университетская книга, 2020. 199 с. DOI: 10.47581/2020/02.Panov.001
15. Kornilova T.V., Chumakova M. A., Kornilov S.A. (2018) Tolerance and Intolerance for Uncertainty as Predictors of Decision Making and Risk Acceptance in Gaming Strategies of the Iowa Gambling Task. Psychology in Russia: State of the Art, 11 (3), 86–95.
16. Beck U., Grande E. Varieties of second modernity: extra-European and European experiences and perspectives // British Journal of Sociology, 2010. Vol 61, Issue 3, pp. 406–638.
17. Саритас О. Технологии совершенствования человека: перспективы и вызовы // Форсайт. 2013, Т. 7, № 1, С. 6–13. DOI: 10.17805/zpu.2019.3.8
18. Moscovici S. La Psychanalyse: Son image et son public. 2ème ed. Paris: Presses Universitaires de France, 1976
19. Abric J-C. A structural approach to social representations // Representations of the social: Bridging theoretical traditions / Ed. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 42–47.).
20. Емельянова, Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М. 2006.: Изд-во «Институт психологии РАН». 400 с.
21. Бовина И.Б. Теория социальных представлений: история и современное развитие // Социологический журнал. 2010. №3. С. 5 – 20.
22. Халупо О. И. Лингвокультурная личность как носитель языкового и культурного опыта (лингвокультурный аспект в определении лингвокультурной личности) // Язык и культура. 2013. № 4. С. 97–101.
23. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений. 4-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 208 с.
24. Brislin R.W. Back-Translation for Cross- Cultural Research // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1970. № 1. P. 185 –216.
25. Esposito N. From Meaning to Meaning: The Influence of Translation Techniques on Non-Англ. Focus Group Research // Qualitative Health Research. 2001. № 11. P. 568–579.
26. Кудря С. В. Методы контроля качества перевода и способы обнаружения ошибок при переводе исследовательских анкет // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2015. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-kontrolya-kachestva-perevoda-i-sposoby-obnaruzheniya-oshibok-pri-perevode-issledovatel'skih-anket>
27. Кудря С.В. Дискурсивные характеристики англоязычного медицинского опросного инструмента как типа текста: Автореф. дис. канд. филол. наук. СПб, 2012. 24 с.

28. PNAD Contínua TIC 2016: 94,2% das pessoas que utilizaram a Internet o fizeram para trocar mensagens. Retrieved from: <https://agenciadenoticias.ibge.gov.br/agencia-sala-de-imprensa/2013-agencia-de-noticias/releases/20073-pnad-continua-tic-2016-94-2-das-pessoas-que-utilizaram-a-internet-o-fizeram-para-trocar-mensagens>
29. Хамама Л., Тартаковский Е., Патраков Э. В. Отношение медицинского персонала к людям, страдающим ВИЧ/СПИД, и профессиональное выгорание // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 79–89.

REFERENCES

1. Aysina R.M., Nesterova A.A. Cyber socialization of youth in the information and communication space of the modern world: effects and risks. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019, vol. 10, no. 4, pp. 42–57. DOI: 10.17759/sps.2019100404. (In Russ., abstr. in Engl.)
2. Voyskunjij A. Ye. *Internet-zavisimost': psikhologicheskaya priroda i dinamika razvitiya* [Tekst]. Moscow, Akropol' Publ., 2009. 279 p. (in Russ.)
3. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. *Tsifrovoye pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost'* [Digital generation of Russia: competence and safety]. Moscow, Smysl Publ., 2017. 375 p. (in Russ.)
4. Niklova M., Novocky M., Dulovics M. Risk aspects of online activities in victims of cyberbullying. *European Journal of Mental Health*, 2019, no. 14, pp. 156–167. DOI: 10.5708/EJMH.14.2019.1.8
5. Joiner R., Gavin J., Brosnan M., Cromby J., Gregory H., Guiller J., Maras P., Moon A. Gender, internet experience, internet identification and internet anxiety: a ten year follow-up. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2012, vol. 15, no. 7, pp. 370–372. DOI: 10.1089/cyber.2012.0033
6. Mesko B., Drobni Z., Benyei E., Gergely B., Gyorffy Z. Digital health is a cultural transformation of traditional healthcare. *MHealth*, 2017, vol. 3(38), pp. 1–8. DOI: 10.21037/mhealth.2017.08.07
7. Deyneka O. S., Dukhanina L. N., Maksimenko A. A. Cyberbullying and victimization: a review of foreign publications. *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education*, 2020, vol. 47, no. 5, pp. 273–292. doi: 10.32744/pse.2020.5.19
8. Lidskaya E.V., Mdivani M.O. Subject-Environment Interactions with Television and the Internet in the Context of Traditional and Modern Gender Representations. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2017, vol. 22, no. 4, pp. 110–119. DOI: 10.17759/pse.2017220415 (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Panov V.I., From Environmental Psychology to Subject-Environment Interactions. *Proceedings of the 2017 2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities*. (ICCESSH 2017). Part of the series ASSEHR. Moscow, Russia. vol. 124, pp. 1135–1139. DOI: 10.2991/iccessh-17.2017.265.
10. Patrakov E.V., Panov V.I. The possibility for applying the concept of “interference” to describe the area where the digital and pre-digital environment merge. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2020, vol. 26, no. 3, pp. 5–14. DOI: 10.34216/2073-1426-2020-26-3-5-14
11. Cheng C., Lau Y., Chan L., Luk J.W. Prevalence of social media addiction across 32 nations: Meta-analysis with subgroup analysis of classification schemes and cultural values. *Addict. Behav.* 2021, 117, 106845. DOI: 10.1016/j.addbeh.2021.106845
12. Patrakov E.V. Adolescents and the Internet: Reactions of Parents. *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 2019, vol. 72, pp. 129–144. DOI: 10.17223/17267080/72/7
13. Panov V.I., Patrakov E.V. Representations of Teachers and Elder Schoolchildren about the Risks of Interacting with the Internet. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2020, vol. 25, no. 3, pp. 16–29. DOI: 10.17759/pse.2020250302 (In Russ.).
14. Panov V.I., Patrakov E.V. *Cifrovizacija informacionnoj sredy: riski, predstavleniya, vzaimodejstviya: monografiya* [Digitalization of the information environment: risks, perceptions, interactions: monograph], Moscow, FGBNU «Psikhologicheskij institut RAO»; Kursk, «Universitetskaya kniga», 2020. 199 p. (in Russian).
15. Kornilova T.V., Chumakova M. A., Kornilov S.A. Tolerance and Intolerance for Uncertainty as Predictors of Decision Making and Risk Acceptance in Gaming Strategies of the Iowa Gambling Task. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 86–95.
16. Beck U., Grande E. Varieties of second modernity: extra-European and European experiences and perspectives. *British Journal of Sociology*, 2010, vol. 61, Issue 3, pp. 406–638.
17. Saritas O. *Tekhnologii sovershenstvovaniya cheloveka: Perspektivy i vyzovy* [Human Enhancement Technologies: Future Outlook and Challenges]. Foresight-Russia, 2013, vol. 7, no 1, pp. 6–13 (in Russ.)
18. Moscovici S. *La Psychanalyse: Son image et son public*. 2ème ed. Paris: Presses Universitaires de France, 1976
19. Abric J-C. A structural approach to social representations // Representations of the social: Bridging theoretical traditions / Ed. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. pp. 42–47.
20. Emelyanova T.P. *Konstruirovaniye sotsial'nykh predstavleniy v usloviyakh transformatsii rossiyskogo obshchestva* [Construction of social representations in the context of the transformation of Russ. society]. Moscow, Institute of Psychology RAS, 2006.
21. Bovina I.B. Theory of social representations: the history and modern development. *Journal of Sociology*, 2010, no. 3, pp. 5–20.
22. Halupo O. I. *Lingvokul'turnaya lichnost' kak nositel' yazykovogo i kul'turnogo opyta (lingvokul'turnyy aspekt v opredelenii lingvokul'turnoy lichnosti)* [Linguistic and cultural personality as a carrier of linguistic and cultural

- experience (linguistic and cultural aspect in the definition of linguistic and cultural personality)]. *Yazyk i kul'tura*, 2013, no. 4, pp. 97-101. (in Russ.)
23. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii* [Linguoculturology: manual for students]. Moscow, Akademiya Publ., 2010. 208 p. (in Russ.)
 24. Brislin R.W. Back-Translation for Cross- Cultural Research. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1970, no. 1, pp. 185-216.
 25. Esposito N. From Meaning to Meaning: The Influence of Translation Techniques on Non-Aнгл. Focus Group Research. *Qualitative Health Research*, 2001, no. 11, pp. 568-579.
 26. Kudrya S. V. *Metody kontrolya kachestva perevoda i sposoby obnaruzheniya oshibok pri perevode issledovatel'skih anket* [Methods of translation quality control and ways to detect errors in the translation of research questionnaires]. *Perevod i sopostavitel'naya lingvistika*, 2015, no. 11. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-kontrolya-kachestva-perevoda-i-sposoby-obnaruzheniya-oshibok-pri-perevode-issledovatel'skih-anket>
 27. Kydpya C.B. *Dikypnye xarakteristiki angloyapychnogo medicinskogo oppocnogo instrumenta kak tipa teksta* [Discursive characteristics of the English-language medical survey tool as a type of text]. Abstract Diss, PhD Phil. Sci., 2012. 24 p. (in Russ.)
 28. PNAD Contínua TIC 2016: 94,2% das pessoas que utilizaram a Internet o fizeram para trocar mensagens. Retrieved from: <https://agenciadenoticias.ibge.gov.br/agencia-sala-de-imprensa/2013-agencia-de-noticias/releases/20073-pnad-continua-tic-2016-94-2-of-people-which-used-the-internet-the-make-to-exchange-messages>
 29. Hamama L, Tartakovsky E, Patrakov E. Attitudes and burnout among health care professionals working with HIV/AIDS. *Vopr Psikhologii*, 016; 53(3), pp. 79-88.

Информация об авторах

Панов Виктор Иванович

(Россия, Москва)

Доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий лабораторией экпсихологии развития и психодидактики ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования»

ORCID ID: 0000-0002-3189-5455

Researcher ID: A-6198-2017

Scopus ID : 15061818400

E-mail: ecovip@mail.ru

Патраков Эдуард Викторович

(Россия, Екатеринбург)

Кандидат педагогических наук, заведующий учебно-научной лабораторией, доцент кафедры инноватики и интеллектуальной собственности Физико-технологического института

Уральский федеральный университет

ORCID ID: 0000-0001-7564-9136

Researcher ID: M-9430-2015

Scopus ID: 55948530300

E-mail: e.v.patrakov@urfu.ru

Батурина Людмила Ивановна

(Бельгия, Антверпен)

Независимый исследователь

ORCID ID: 0000-0003-2668-7309

E-mail: baturina_l@yahoo.com

Родриго Ф. Фрогери

(Бразилия, Варжинья)

Университетский центр Юга Минас Жераис (UNIS),

ORCID ID: 0000-0002-7545-7529

Researcher ID: AAG-7428-2019

Scopus ID: 57211254111

E-mail: rodrigo.frogeri@professor.unis.edu.br

Коман Клаудиу

(Румыния, Брашов)

Доктор социологии, профессор, декан факультета социологии и коммуникации

Трансильванский университет Брашова

ORCID ID: 0000-0001-6272-7414

Researcher ID: AAL-3539-2021

Scopus ID: 36454600800

E-mail: claudiu.coman@unitbv.ro

Information about the authors

Victor I. Panov

(Russian Federation, Moscow)

Doctor of Psychology, Professor, Chief Researcher Psychological Institute of the Russian Academy of Education

ORCID ID: 0000-0002-3189-5455

Researcher ID: A-6198-2017

Scopus ID : 15061818400

E-mail: ecovip@mail.ru

Eduard V. Patrakov

(Russia, Yekaterinburg)

PhD in Pedagogical Sciences, Head of educational-scientific laboratory, Associate Professor, Department innovation and intellectual property Institute of physics and technology

Ural Federal University

ORCID ID: 0000-0001-7564-9136

Researcher ID: M-9430-2015

Scopus ID: 55948530300

E-mail: e.v.patrakov@urfu.ru

Lioudmila I. Batourina

(Belgium, Antwerp)

PhD in Linguistics

Independent researcher

ORCID ID: 0000-0003-2668-7309

E-mail: baturina_l@yahoo.com

Rodrigo F. Frogeri

(Brazil, Varginha)

PhD in Information System and Knowledge Management

University Center of South of Minas Gerais (UNIS),

ORCID ID: 0000-0002-7545-7529

Researcher ID: AAG-7428-2019

Scopus ID: 57211254111

E-mail: rodrigo.frogeri@professor.unis.edu.br

Coman Claudiu

(Romania, Brasov)

Doctor in Sociology, Professor, Dean of the Sociology and Communication Faculty

Transilvania University of Brasov

ORCID ID: 0000-0001-6272-7414

Researcher ID: AAL-3539-2021

Scopus ID: 36454600800

E-mail: claudiu.coman@unitbv.ro